

Ю. А. Клейнер

Позиция и контекст

А все-таки к *Ире* и *Кире* различаются!

А. А. Реформатский

Полемика относительно *и* и *ы* как один из аспектов разногласий между Петербургской (Ленинградской) и Московской фонологическими школами относится сейчас скорее к области истории языкознания. Остается, однако, сама проблема места этих гласных в фонологической системе русского языка. Если считать, что распределение их ограничивается: *и* — после мягких, *ы* — во всех остальных позициях, то [и] и [ы] будут интерпретированы как (комбинаторные) варианты одной фонемы всеми, кто использует понятие дополнительная дистрибуция. Его признает и Петербургская школа, оговаривая, правда, что «для того, чтобы два звука были аллофонами одной фонемы, они должны быть связаны отношениями дополнительной дистрибуции в пределах... одной морфемы данного языка» [Зиндер 1979: 48, 73]. Но варьирование *и* и *ы* и происходит именно в составе морфемы, ср. *Ира* — к *Ире*, а значит, и с этой точки зрения они должны рассматриваться как варианты.

Нельзя, однако, не заметить, что такие варианты отличаются от «более привычных» факультативных и комбинаторных вариантов остальных гласных. У /а/, /э/, /о/, /у/ «перцептивно сильным» является положение «после паузы (в начале слова) и после твердых согласных», поскольку твердый согласный перед гласным и после него «действует так же, как отсутствие согласного, т. е. никак не действует» [Панов 1979: 150]. У /и/ это — положение «после паузы (в начале слова) и после мягких согласных» [Там же]. В «перцептивно слабой позиции» мягкий согласный лишь «влияет на конец гласного» /а/, /э/, /о/, /у/, тогда как твердый согласный обуславливает вариант [ы] фонемы /[и]—[ы]/, что явно отличается от вариативности, например, /а/ в *жс[а]р* — *жс[а]р'*.

Как известно, основным источником разногласий служит возможность появления *ы* в начале слова, т. е. в «перцептивно сильной позиции» всех гласных, включая *и*. Проблема решится, если исключать из рассмотрения слово *ыканье*, название буквы («ы») или топоним *Блдин* (ср. [Панов 1979: 152]), однако [ы] здесь явно не воспринимается как инородный элемент¹. Более того, лю-

¹ Наподобие, например, межзубного спонданта в английских словах, заменяющегося обычно на согласный русского языка, наиболее адекватно отражающий звучание или написание оригинала, ср. «Фёрс»/«Фирт» *Firth*.

бой носитель русского языка легко заменит /и/ на /ы/ в начале слова: «никто не затруднится произнести /ыл/, /ыкра/, /ыгра/ и т. п. вместо /ил/ /икра/ /игра/» [Зиндер 1979: 65]².

Казалось бы, этот довод также можно принять в качестве окончательно решения проблемы *и* и *ы*. Тем не менее выводы сторонников их фонологической самостоятельности, как правило, более осторожны, ср.: «Безусловно самостоятельными гласными фонемами русского языка являются *а, э, и, о, у*. Что касается *ы*, то это в значительной мере (курсив мой. — Ю. К.) самостоятельная фонема, находящаяся в интимных отношениях с *и*, которого она является как бы (курсив мой. — Ю. К.) оттенком» [Щерба 1983: 50].

Серьезный аргумент в пользу фонологической самостоятельности *и* и *ы* (или, по крайней мере, осознания *ы* носителями языка) — отражение их на письме. (В какой-то мере это относится и к вариантам /а/, /о/ после мягких — *я, ё* — и /е/ в начале слова и после твердых — *э*.) Можно спросить: где тот «предел интимности», за которым два элемента начинают восприниматься как самостоятельные сущности, и какие в таком случае различия отображает (должен отображать) алфавит?

Проблема передачи звучания на письме не является специфичной для синхронной фонологии и тем более для фонологии именно русского языка. Гораздо чаще с ней приходится сталкиваться при диахронических реконструкциях. Один из примеров — взаимоотношения и отражение на письме *е* и *і* в древнегерманских языках.

Мнения относительно фонологического статуса этих двух гласных варьируют от осторожного — «*і* и *е* были практически (курсив мой. — Ю. К.) одной фонемой» [Prokosch 1939: 109] или «частичное наложение /е/ и /і/» [Lloyd 1966] — до категоричных и прямо противоположных: «разные фонемы» [Beeler 1966] и «аллофоны» [Marchand 1957]. Основания для того, чтобы считать *і* и *е* аллофонами дает их зависимость от гласного последующего слога — *і, и* и *е, а, о* соответственно.

Регулярность распределения *е ~ і* в зависимости от контекста в разных германских диалектах различна. Перед гласными заднего ряда встречаются как *і*, так и *е*, что отразилось, например, в дублетных формах, сосуществующих в пределах одного языка: др.-в.-н. *skif/skef* ~ др.-исл., др.-с. *skip*, др.-англ. *scip* (основа на *-а-*) ‘корабль’ (см. [Lloyd 1966: 738–739]). Объяснением служат, по-видимому, позднейшие процессы, наложившиеся на первоначальную закономерность в распределении гласных, которая на каком-то этапе действовала в праязыке или даже в отдельных германских диалектах.

² То, что при этом происходит «разрушение слова, превращение его в бессмысленное звуко сочетание» [Зиндер 1979: 65], не вполне верно: любое из этих слов опознаваемо; более того, замена /и/ на /ы/ может использоваться для создания комического эффекта.

Существование такой закономерности признается хотя бы как тенденция, характеризующая первоначальное древнегерманское состояние (см. [Гухман 1962: 100]). Отражением его считается рун. *birbijaR* ‘потомки *PerbaR*’а’ или более поздние формы — др.-англ. *beran* ~ *bir(e)s(t)*, *bir(e)ð* (< **birist*, **birid* ‘нести’ (инф. и наст. вр. ед. ч. 2, 3 л.). В качестве исключений называются обычно германские заимствования, например фин. *teljo* ‘банка (в лодке)’ (др.-исл. *pilja* ‘доска’) или лат. *Herminones*, которые, как полагают, отражают более архаичное распределение гласных [Гухман 1962: 94]. Нельзя, однако, исключить, что в данном случае мы имеем дело с неверным отождествлением звуков иностранного языка, т. е. что *e* в *telja* и *Herminones* указывает лишь на фонетическую близость гласного в данной позиции к финскому или латинскому /e/.

Более проблематична интерпретация форм *erilaR* ~ *irilaR* в рунических надписях VI в. (Линдхольм и Бю). Воздействие соседнего с гласным сегмента (*r*) может объяснить *e* в *erilaR* и *Herminones*, но не отсутствие перехода *i* > *e* в той же позиции в *irilaR*. (Остается, кроме того, *i* во втором слоге *erilaR*/*irilaR* — перед *a* в третьем слоге.)

Позднее на распределение исконных германских *e* и *i* наложились результаты умлаута, т. е. воздействия *i*/*j* на *V*₁ в первом слоге комплекса /(C)V₁Ci,j/. В результате в древневерхненемецком языке, например, появились два *e*: исконное древнегерманское *ē* (предположительно, открытое), находившееся в дополнительном распределении с *i* по правилу преломления: *gēban* ~ *gibit* ‘давать, дает’, и новое, умлаутное *e* (предположительно, закрытое) из *a* перед *i* (*j*): *faran* ~ *ferit* ‘ехать, едет’. На этой стадии речь, следовательно, может идти о двух фонемах: /[ē]-[i]/ и /[a]-[e]/. Но после умлаута на *-i-* должен был возникнуть новый тип дополнительной дистрибуции: *e* (как в *ferit*) — только перед *i*, а *ē* (как в *gēban*), напротив, — никогда перед *i*; оба *e*, таким образом, также могут рассматриваться как аллофоны (ср. [Жирмунский 1976: 597–598; Зиндер, Строева 1965: 42]). Кроме того, по правилу умлаута *e* находится в дополнительном распределении с *a*.

Обсуждая различные варианты распределения гласных, А. С. Либерман показал, что они дают основания рассматривать все гласные и как варианты одной фонемы, и как три разные фонемы: /ē — i/, /e — a/ и /e — ě/, две из которых, правда, будут иметь одинаковые аллофоны в одних и тех же позициях: [e] (вариант фонем /e — a/ и /e — ě/) — перед *i*; [ē] (вариант фонем /ē — i/ и /e — ě/) — перед *ē*, *a*, *o* [Lieberman 1987: 174, 178]. Как бы то ни было, получается, что тем или иным образом все эти гласные наподобие русских *и* и *ы* связаны «интимными отношениями».

Положение не выглядело бы столь абсурдным, если бы во внимание были приняты условия варьирования, а именно то, что оно происходит в первом слоге двусложного комплекса, а определяется гласным второго слога. Иными

словами, речь идет о *дистантной ассимиляции*³, сходной с тюркским сингармонизмом, в особенности «обратным сингармонизмом», на сходство которого с германским умлаутом обращал внимание А. А. Реформатский [1970: 409—414].

В германских языках «обратный сингармонизм» имеет место не только в случае умлаута, но и вообще в последовательности /VCV/. Такие структуры встречаются в современных (архаичных) шведских и норвежских диалектах, где они характеризуются гармонией гласных, проявляющейся «в частичной или полной их ассимиляции, *væta* < *vita* или *vättå* < *vita*, *vukku* < *viku* ‘неделя’, и равновесным ударением, [‘fluɡu] ~ [flu’gu] ‘муха’ [Liberman 1982: 182, 206]. Все это позволяет рассматривать /VCV/ как единый просодический комплекс⁴.

В древнегерманских языках /VCV/, гот. *miki-leis* ‘славись’, представляет собой одну из трех возможных просодических структур (наряду с /V:-/, *dō-meis* ‘судишь’, /VC-/, *wan-deis* ‘поворачиваешь’ — подробнее: [Kleiner 1999]). Можно допустить любую вариативность гласных первых слогов комплекса /VCV/, в зависимости от гласного второго слога, ср. четыре аллофона, реконструируемые Э. Антонсеном для протоанглского диалекта древнеанглийского: передний гласный верхнего подъема ([gæsti]), шва среднего ряда верхнего подъема перед /-u-/ + /-i/ ([æpuling]), задний верхнего подъема перед /-u/ ([fatu]) и нижний гласный среднего ряда перед /a/, /e/ или /-/ ([fata], [fate], [fat]) [Antonsen 1961: 225]. Важно лишь помнить, что гласные в комплексе /VCV/ были связаны *попарно* и, в сущности, *обуславливали друг друга*. (Здесь вновь уместна аналогия с сингармоническими языками.)

Аллофоническое варьирование, в принципе, не подлежит реконструкции. Однако в германских языках оно имеет особую природу. Варианты, возникающие внутри комплекса /VCV/, который Б. Хессельман уподобил дифтонгам [Hesselman 1948—1953: 247—250], отличаются от вариантов, например /i/ перед [k] и [t] в *vika* и *vita*: контекст первых — непосредственно фонемное окружение, контекст вторых — просодическая структура. В последовательности /VC/ взаимодействие гласных и согласных не ограничивается коартикуляцией, а их сочетаемость не сводится к элементарной фонотактике. В английском, например, гласные в словах *bit* — *beat*, *pot* — *port*, *pull* — *pool* и т. п. *привязаны* к слогам, характеризующимся тем или иным видом примыкания гласного к согласному, и — в этом смысле — также распределены дополнительно (ср. [Мячинская, Клейнер 1980]). Разделение этих гласных на «краткие и долгие», «монофтонги и дифтонгоиды», «усеченные и неусеченные» предполагает систему *фонем*, описываемых с помощью различительных признаков. Такой подход отражает

³ *Fernassimilation*, по К. Луику [Luick 1964: 103] и *assimilation at a distance*, по Ж. Фурке [Fourquet 1952: 123].

⁴ Данное понимание *просодики*, в центре которого лежат не столько супraseгментные явления (ударение, интонация), сколько акцентная база (слог и комбинации слогов), ближе всего к «просодиям» J. R. Firth’a (см. [Firth 1957]).

некоторую реальность, которая состоит в том, что эти гласные действительно осознаются как самостоятельные сущности, т. е. в каком-то смысле фонемы, подверженные комбинаторному или факультативному варьированию (например, продление перед звонким или под ударением). С другой стороны, он игнорирует то обстоятельство, что никакие процедуры фонематического членения не способны отделить эти сегменты от соседних, ср. первое [i] в *city*, морфологически нечленимого слова, со слоговой границей (условно) внутри интервокального согласного. Они, таким образом, оказываются одновременно в двух контекстах: один создается непосредственным окружением гласных и согласных (фоне(ма)тический контекст), другой предполагает отрезок речевой цепи, превышающий по протяженности отдельный сегмент. Таким отрезком может быть, например, двусложный просодический комплекс /VCV/, вне которого в древнегерманских языках не существует открытый слог. В других случаях таким просодическим комплексом является отдельный слог, который к тому же представляет собой минимальную единицу членения (англ. *peaty* : *pity* : /pi:-(ti) / : /pit(i)/), связанную, в свою очередь, с типом акцентуации (шв.-норв. акц. I и II, различающиеся в слогах /V:C/ — /VC:/ = ударных). Такие структуры и служат контекстом, который определяет статус входящих в них элементов, например: усеченный гласный = часть комплекса /VC/ или слоговой/неслоговой ([i] ~ [j], [u] ~ [w]), ср. гот. *mawi* /mawi/ ~ *maujos* /mau-jos/ 'девушка' (им., род. п.) = /(C)VCV/ ~ /(C)VV-/ соответственно.

Если допустить саму возможность аллофонических отношений между сегментами, в зависимости от их положения и роли в слоге, то такие варианты нужно будет определить как *просодические*. В отличие от фонематических комбинаторных вариантов (лабиализованное [l] перед [u] и т. п.), просодические варианты выполняют сразу две функции (сегментную и просодическую) и воспринимаются в качестве «отдельных звуков», которые нуждаются в отражении не только в фонетической, но и в фонематической транскрипции. Последняя обязательно отражает зависимость сегмента от более протяженных структур — меньшую в чисто фонемных языках (например, русском), большую в языках, где данный сегмент привязан к тому или иному просодическому комплексу. Обозначение (на письме или в транскрипции), т. е. осознание, например, английских [æ], [e], [ɔ], не является еще основанием для того, чтобы признать их самостоятельными фонемами. Не доказывается это и возможностью изолированного произношения этих гласных, поскольку оно обязательно воспроизводит и контекст, в котором они существуют⁵.

⁵ По тем же причинам нельзя признать доводом в пользу самостоятельности и то, что оно «легко изолируется, произносится в независимом, фонетически необусловленном положении и осознается носителями языка как особая языковая единица» [Буланин 1976: 80].

На письме также отражаются, как правило, именно просодические варианты, ср. *i/j*, *u/w* в разных языках. Орфографическая непоследовательность, часто имеющая место в таких случаях (только *i* = [i]/[j] или *v* = [u]/[w]), лишь подтверждает аллофонический характер варьирования. В каждом таком случае на письме отражается не только — и не столько — конкретный сегмент, названный здесь просодическим вариантом, сколько контекст, в котором существует (= реализуется) данный вариант, ср. английское «немое *e*», указывающее на тип слога.

Просодические варианты, возникавшие вследствие варьирования в структурах /-VCV-/ в древнегерманских языках, могли получить отражение на письме только в части диалектов или даже в части слов в пределах одного и того же диалекта, чему, по-видимому, и обязаны своим происхождением такие дублетные формы, как *irilaR* (просодический вариант фонемы /*e*—[i]/, с [e] > [i] перед *i*) ~ *erilaR*, а также *faris* ‘едет’, *angil* ‘ангел’ (др.-в.-н. Исидор, VIII в.), баварск. *Azzilo*, *ahir* ‘колос’, *sachit* ‘спорит’, *fallit* ‘валит’, *waltit* ‘правит’, с одной стороны, и франкские *ehir*, *sechit*, *fellit*, *weltit*, с другой [Зиндер, Строева 1965: 82].

Готский не показывает результатов умлаута, однако, как предположил Э. Антонсен, «данные готского языка ни в коем случае не исключают возможности того, что фонемы, представленные готскими *a*, *ai*, *o*, *u*, имели передние реализации в позиции перед [-i, -j]. Отсутствие более поздних свидетельств не позволяет сделать окончательного вывода о том, что дело обстоит именно так, но — по той же причине — нельзя с уверенностью заключить, что в отношении развития умлаутных фонем из прагерманских форм готский представлял какое-то исключение» [Antonsen 1966: 118].

В немецком результаты умлаута /a:/ (на письме *e*, позднее *ä*) отразились в графике на 500 лет раньше, чем у остальных гласных. Как объяснил В. М. Жирмунский [1976: 596], это связано с возможностями графики: знак для *e* есть уже в древневерхненемецком, тогда как *ö* и *ü* появляются только в средненемецкий период.

В древнеисландском умлаут не отражен в словах с кратким корневым гласным, например *talda* (< **talidō*) ‘сказал’ или *staðr* (< **staðiR*) ‘место’. В словах же с долгим слононосителем либо — при кратком слононосителе — с закрытым слогом умлаут, напротив, отражался с наибольшей регулярностью, ср. др.-и. *dōmja* (< **dōmian*) ‘судить’, прош. вр. *dōmda* (< **dōmiðō*, *telja* ‘говорить’ (< **talian*) и т. п.

Одной из возможных причин того и другого является просодическое равенство комплексов /VCV/ и /VCC/, основанное на членении, предполагающем границу после **tal-j* в **tal-ian* (с *i* > *j* перед гласным, соотв. *tel-ja*) и после **tal-i-*. Последняя восходит к формам, содержащим комплекс /V₁CV₂/, к которому принадлежат оба элемента — и вызывающий умлаут (V₂), и подвергающийся

умлауту (V_1). Связь $/V_1/$ и $/V_2/$ может отражаться на письме, ср. рун. *irilar*, где (просодическое) варьирование $[e] \sim [i]$ отражено в выборе аллофона $[i]$. Но слова, восходящие к формам типа **tali-*, могли следовать и модели рун. *erilaR* или «готской модели», не отразившей просодического варьирования.

В **talian* и т. п. корневой гласный мог бы, в принципе, отождествляться с $/a/$, как в гот. *saljan* 'приносить жертву'. Однако древнеисландский в отличие от готского, отражает вариативность $[a] \sim [e]$ в таких словах, что и проявилось в *telja* (аналогично в словах с долгими гласными). В **talian* $/V_1/$ и $/V_2/$ относятся к двум разным просодическим комплексам, $/tal-jan/$, что в сочетании с **tali-dō* создает *переменный контекст*, который, вполне возможно, и повлиял на выбор варианта: $/talian/ = [tel-jan] \sim /tali-ðo:/ = [teli-ðo:]$. В этих условиях понятной делается и труднообъяснимая «фонологизация» умлаута при сохранившемся $/V_2/$, что демонстрирует бóльшую значимость контекста по сравнению с его компонентами. Последние осознаются как самостоятельные сущности прежде всего благодаря выполняемой ими морфологической функции: в комплексе $/VCV/$ гласные второго слога часто являются экспонентами флексивных морфем. (Этому способствовало и то, что регулярность чередований $/V_2/$ нарушалась за счет морфологической аналогии, нарушая и первоначальные условия дополнительной дистрибуции.)

В ряде отношений данная ситуация сходна с варьированием *и* и *ы*. Независимо от того, говорим ли мы о полной или частичной зависимости их от контекста, очевидно, что последний представлен здесь несколькими своими разновидностями: (1а) после твердых / мягких (*ныл — нил*, к *Ире — Кире*), (1б) в начале слова (*индус — Ындин*) и (2) перед согласным / гласным и / или в конце слова (*был / быть — бил / битъ — крести / кресты*). Первый тип определяет специфику *и* и *ы* как элементов, находящихся в дополнительной дистрибуции (1а) и одновременно противопоставленных друг другу (1б). Противопоставленность снимается, как только словоначальное *ы* оказывается после словоконечного мягкого, т. е. при превращении контекста (1б) в (1а): *брось Ындин*.

В контекстах второго типа вариативность этих элементов не отличается от обычной вариативности фонем. Таким образом, с точки зрения контекста (1а) в разных позициях контекста второго типа представлены аллофоны фонем $/и/$, $/ы/$; с точки зрения контекста (1б) — аллофоны аллофонов (фонемы $/и/$ — $/ы/$).

Сходным образом *е* и *і* в позиции умлаута или преломления также могут восприниматься либо как аллофоны, либо как самостоятельные фонемы в зависимости от контекста (см. выше): $/тали-/ — /тел-ј/ = ныл — нил / к Ире — Кире$ (контекст 1а); *индюк — Ындин* (контекст 1б) и *teLjan, seTjan — tALi, sATi = был / быть — бил / битъ — крести / кресты* (контекст 2). При этом пара *Ku(pe) — к И(pe)* попадает в одну категорию с $/тали-/ — /тел-ј/$, противопоставляющимися как относящиеся к постоянному и переменному контексту соответственно.

В русском языке постоянный контекст характеризует слова, типа *лямка*, *верёвка*, *ключ*, где буквы «я», «ё», «ю», передают не столько реальное произношение гласных /a/, /o/, /u/ (ср. *плюнь*, где /u/ в позиции между мягкими представлено вариантом [y]), сколько положение этих гласных в сочетании /C'V/. Поскольку в русском языке /C'V/ : /CV/ — единственный случай значимого противопоставления целых слогов, данный контекст и определяемые им варианты, в частности [и] и [ы]⁶, также являются просодическими (в указанном выше смысле).

В *Кира* и *был* [и] и [ы] находятся в постоянном контексте, равно как и [ы] в *цЫган* ~ *цИтата*, которые вполне могли бы быть *цИган* и *цЫтата* (ср. рун. *erilaR* ~ *irilaR*).

На границах слов и морфем, т. е. в позиции, допускающей ресиллабацию, контекст — переменный. Соответственно, гласный должен отождествляться с вариантом в одной из двух возможных позиций. Вариативность начального гласного, следующего за словоконечными /C/ или /C'/, не отличается от вариативности /CV/ ~ /C'V/ внутри слова, ср. *имя* /им'а/, но *без имени* /б'изым'ин'и/, где первые два слога омонимичны двум первым слогам слова *безымянный* /б'изым'(ан:ыj)/ — с *ы* в современной и *и* в более ранней орфографии. Такие написания, отражающие либо морфологический, либо фонетический принцип, служат, кроме того, для обозначения позиции или уровня, промежуточного между фонетическим / фонологическим (отдельный сегмент и его реализация) и морфологическим. На этом уровне (соединения сегментов) и создается контекст, который определяет «условия существования фонем в морфемах и словах», где и реализуются те свойства фонем, которые «накладываются на фонемы от позиций» [Реформатский 1970: 482]. Таким свойством, может быть слоговость / неслоговость в последовательности CV / VC, краткость слогоносителя, являющегося частью структуры /VCV/, усеченность гласного как следствие плотного примыкания — т. е. все то, что характеризует отдельный сегмент в структуре большей протяженности, регулярно противопоставляющейся аналогичным по протяженности и свойствам структурам данного языка.

Литература

Буланин 1976 — Буланин Л. Л. Фонетика современного русского языка. М., 1976.

Гухман 1962 — Гухман М. М. Система гласных фонем в германских языках // Сравнительная грамматика германских языков. Т. 2. М., 1962. С. 72—115.

⁶ А также любые варианты, возникающие в комплексе /CV/ ~ /C'V/. Не отсюда ли «А» и «бэ» сидели на трубе» с «плохой рифмой» /be/ : /b'e/ [Панов 1979: 152], победившей, тем не менее, «хорошую рифму» /b'e/ : /b'e'/?

- Жирмунский 1976 — *Жирмунский В. М.* Общее и германское языкознание. Л., 1976.
- Зиндер 1979 — *Зиндер Л. Р.* Общая фонетика. М., 1979.
- Зиндер, Строева 1965 — *Зиндер Л. Р., Строева Т. В.* Историческая фонетика немецкого языка. М.; Л., 1965.
- Мячинская, Клейнер 1980 — *Мячинская Э. И., Клейнер Ю. А.* Корреляция усе-
щения слога и ее использование в изучении вокализма английского языка // *Взаимодействие структур в системе.* Л., 1980. С. 147—155.
- Панов 1979 — *Панов М. В.* Современный русский язык: Фонетика. М., 1979.
- Реформатский 1970 — *Реформатский А. А.* Из истории отечественной фоно-
логии. М., 1970: «О соотношении фонетики и грамматики (морфологии)»
(с. 398—421); «Фонологические заметки» (с. 488—484).
- Щерба 1983 — *Щерба Л. Р.* Русские гласные в качественном и количественном
отношении. Л., 1983.
- Antonsen 1961 — *Antonsen E. H.* Germanic Umlaut Anew // *Language.* Vol. 37.
1961. P. 215—230.
- Antonsen 1966 — *Antonsen E. H.* [Рец. на кн.:] *Szulc A.* Umlaut und Brechung:
Zur inneren und ausseren Geschichte der nordischen Sprachen. Poznań, 1964 //
Language. Vol. 42. 1966. P. 115—122.
- Beeler 1966 — *Beeler M. S.* Proto-Germanic [i] and [e]: One Phoneme or Two? //
Language. Vol. 42. 1966. P. 473—474.
- Firth 1957 — *Firth J. R.* Sounds and prosodies // *Firth J. R.* Selected Writings.
London, 1957.
- Fourquet 1952 — *Fourquet J.* The Two E's in Middle High German: A Diachronic
Phonemic Approach // *Word.* 1952. Vol. 8. P. 122—135.
- Hesselman 1948—1953 — *Hesselman B.* Huvudlinjer i norsk språghistoria. 1—2.
Nordisk kultur. 3—4. Uppsala-Stockholm, 1948—1953.
- Kleiner 1999 — *Kleiner Yu.* Syllables, Morae, and Boundaries // *Interdisciplinary
Journal for Germanic Linguistics and Semiotic Analysis.* Vol. 4. № 1. 1999.
P. 1—17.
- Liberman 1982 — *Liberman A. S.* Germanic accentology. Vol. 1: The Scandina-
vian languages. Minneapolis, University of Minnesota Press., 1982. (Minnesota
Publications in the Humanities; Vol. 1).
- Liberman 1987 — *Liberman A. S.* Complementary Distribution as a Tool of Phono-
logical Analysis with a Note on the *e* Sounds in Old High German // *General
Linguistics.* Vol. 27. 1987. P. 173—188.
- Lloyd 1966 — *Lloyd A. L.* Is There an *a*-umlaut of *i* in Germanic? // *Language.*
Vol. 42. 1966. P. 738—745.

- Luick 1964 — *Luick K.* Historische Grammatik der englischen Sprache / Mit dem nach den hinterlassenen Aufzeichnungen ausgearbeiteten zweiten Kapitel herausgegeben von Friedrich Wild und Herbert Koziol. Cambridge (Mass.), 1964.
- Marchand 1957 — *Marchand J.* Germanic Short *e and *i: Two Phonemes or One? // *Language*. Vol. 33. 1957. P. 346–354.
- Prokosch 1939 — *Prokosch E.* A Comparative Germanic Grammar. Baltimore, 1939.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

СЕМИОТИКА ЛИНГВИСТИКА ПОЭТИКА

К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
А. А. РЕФОРМАТСКОГО

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2004

ББК 81.2Р
С 30

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
(РФФИ)
проект № 01-06-87040

Редакционная коллегия:

Н. В. Васильева (*ответственный секретарь*), М. Л. Каленчук,
Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Касаткина, Т. М. Николаева.

Ответственный редактор:

В. А. Виноградов

С 30 Семиотика, лингвистика, поэтика: К столетию со дня рождения
А. А. Реформатского. — М.: Языки славянской культуры, 2004. —
768 с. — (Studia philologia). — Вклейка после с. 400.

ISSN 1726-135X

ISBN 5-9551-0049-0

Предлагаемый читателю сборник статей посвящен памяти Александра Александровича Реформатского (16.10.1900—3.5.1978) в связи с двумя прошедшими датами — 100-летием со дня рождения и 25-летием со дня смерти этого выдающегося отечественного ученого. В книгу включены работы как по общетеоретическим вопросам языкознания, так и по конкретным разделам этой дисциплины (фонетика и фонология, морфология, синтаксис, семантика).

ББК 81.2Р

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: ko-shelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G•E•C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G•E•C GAD.

ISBN 5-9551-0049-0

9 785955 100494

© Авторы, 2004

© Языки славянской культуры, 2004